

Г. И. Успенский

Бог грехам терпит

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 5
Издание осуществляется под общей редакцией В. П. Друзина
Подготовка текста Н. И. Пруцкова
Комментарии Г. М. Фридендера
М., ГИХЛ, 1956
[OCR Бычков М. Н.](#)

Содержание

- I. Маленькие недостатки механизма
- II. Опустошители
- III. Подозреваемые
- IV. "Свои средства"
- V. Отрадные явления
- VI. "С человеком -- тихо!"
- VII. Деревенская молодежь

I. МАЛЕНЬКИЕ НЕДОСТАТКИ МЕХАНИЗМА

-- Я так думаю: который человек ни в чем не виновен, и того человека наказывать не за что. А который ежели есть преступник или, так сказать, злодей какой-нибудь, так того наказывай. Больше ничего...

Такие речи с толком, серьезностью и расстановкой вел буфетчик небольшого пароходика "Окунь", сидя в своей, установленной посудой, каморке и разрезывая на подоконнике квадратного окна своего буфета маленький белый хлеб на тонкие ломтики. Пароходик "Окунь", делающий от станции железной дороги по реке Выдре до губернского города М. всего один рейс в сутки, никогда не бывает богат пассажирами. Мало охотников сидеть по нескольку часов в паровой каюте, ожидая той минуты, когда, наконец, наберется "по человечку" столько народу, что расходы пятидесятиверстного плавания не принесут хозяину "Окуня" убытка. Нетерпеливые проезжие, минуя пароходик, предпочитают ехать до города М. на лошадях или же по ветви железной дороги, которая идет от следующей станции до главного пути. Таким образом на "Окуне" едет только такой проезжающий, которому некуда спешить, которому все равно, сегодня ли приедет в город или завтра, который, наконец, даже любит ехать покойно, не в тесноте, а в просторе,-- на "Окуне" же всегда так просторно, что можно разлечься "вовсю", выспаться, раздевшись совсем, и т. д. Такие порядки весьма удобны и выгодны для буфетчика: публика набирается на пароходе постепенно, "по человечку", а поэтому нет расчета запираť буфет, чтобы не отпирать его по двадцати раз в сутки. А буфет, беспрестанно находящийся пред глазами "пассажиров", которым "некуда спешить", над которыми "не каплет", едва ли может бездействовать. Иной глядит-глядит на расставленные напитки, да и скажет: "Ну-ко, налей-ко! И пить-то, братец мой, не хотел, да бутылка заинтересовала... Что такое там? Дай-ко рюмочку". А раз буфет не бездействует, то и пассажиры, по нескольку часов ожидающие, когда-то засвистит комар-пароходик, также не могут безмолвствовать; всегда поэтому волей-неволей все переезжающие на "Окуне" перезнакомятся между собой и в конце концов непременно сольются в одну разговорчивую компанию.

Так было и в тот раз, о котором идет речь. В каюте второго класса, около буфетного окна и за столиками, сидело и лежало на диванах человек десять разного народу. Было тут два каких-то военных, похожих по виду и разговору на переодетых купчих -- так были они рыхлы, женственны, да и разговоры их были не воинственные: всё о провианте, "довольствии", о несправедливости, об интригах, мелких-премелких -- из-за сена, из-за дрожжей для солдатского квасу и т. д. Были тут купцы, мещане, человека четыре "живорезов", сидевших особую группой за чаем и отрывисто лаявших насчет своих "делов": "Два-шесть с четью". -- "Рупиять"- -- "Сдал?" -- "Сдал!" -- "Снял?" -- "Снял". А в промежутках этого лая -- громкая, как отдаленный раскат ружейного залпа, икота... Ехал еще один молодой человек, с которым мне